

«ОТЛИЧНО ПЛЮСЪ ОТЛИЧНО».

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Врошло 7 мѣсяцевъ и полкъ перешелъ изъ города въ лагерь, гдѣ сосредоточивался весь корпусъ. За это время много пережилъ полкъ хорошаго и дурного; многому новый командиръ насъ научилъ, но и много крови испортилъ, немало поту пролито было нами въ тирѣ, полѣ и на плацу, не мало «кислыхъ словъ» пришлось выслушать.

За это время полкъ обновился нѣсколько въ своемъ составѣ; три штабъ-офицера, не бывшіе въ состояніи, по мнѣнію В., «стать на новые пути», ушли въ отставку и на покоѣ доживали свои дни. Полкъ сильно встряхнулся и тогда только увидѣли, что рутинна дѣйствительно его заѣдала. За эти 7 мѣсяцевъ нѣкоторые, можетъ быть впервые въ жизни, услышали живую рѣчь, разбудили самихъ себя, «на себя поглядѣли». Каждый день командиръ преподносилъ намъ что-нибудь новенькое, надъ чѣмъ стоило подумать, кто этого хотѣлъ, но и не проходило дня, чтобы кому-нибудь В. не «накрутилъ хвоста», какъ онъ выражался.

Живая, кипучая натура нашего командира хотѣла охватить все сразу въ своей дѣятельности и, къ сожалѣнію, отъ этого самое дѣло отчасти страдало. Не закончивъ одного, мы брались за другое, ки-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 2.

дались отъ одной работы къ другой, а въ общемъ получался хаосъ, въ которомъ невозможно было разобраться чего, собственно, В. хотѣлъ. Системы въ требованіяхъ, можно сказать, не было; зачастую многія изъ нихъ были дѣломъ минуты, иногда личнымъ взглядомъ и желаніемъ командира, а послѣднія часто были совершенно неисполнимы или такъ оригинальны, что обращали на себя вниманіе высшаго начальства. Всѣ нервничали, но работали не покладая рукъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь рѣдко можно было встрѣтить неряшливаго, соннаго солдата или незастегнутую пуговицу. Все подняло голову, все оживилось. Ходилъ и бѣгалъ полкъ, какъ ни одинъ полкъ въ корпусѣ; у новаго гимнастическаго городка приходилось дожидаться очереди. Стрѣляли превосходно. Правда, занятія прикладкой до рвоты надѣли всему офицерскому составу, но здѣсь командиръ былъ неумолимъ; ежедневныя ругательства и дерзости, которыя приходилось намъ выслушивать отъ него, не поддаются никакому описанію. Начальникъ учебной команды, давшій «отлично +7», ушелъ, однажды, со стрѣльбища съ глазами полными слезъ, наслушавшись «кислыхъ словъ» отъ В.

Наконецъ, настала смотръ стрѣльбы, такъ сказать, экзаменъ годовой работы, праздникъ или трауръ ротныхъ командировъ. Въ 5 часовъ утра полкъ выведенъ былъ уже на стрѣльбищное поле. Чувствовался тотъ бодрый подъемъ, который предвѣщаль блестящіе результаты. На лицахъ офицеровъ написано было праздничное настроеніе, которое передавалось и нижнимъ чинамъ. В. ходилъ вдоль фронта съ напускнымъ равнодушіемъ, вселяя спокойствіе и увѣренность въ подчиненныхъ. Погода стояла прекрасная; легкій вѣтерокъ тянулъ слѣва отъ рощи и уже учитывался ротными командирами на дальнія разстоянія. Наконецъ, грузный казенный экипажъ остановился у фланга построенія и маленькій сѣдой начальникъ дивизіи, приподнимаясь на носки всѣмъ корпусомъ, высокимъ теноромъ поздоровался съ полкомъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! понеслось по полю и, пока начальникъ штаба осматривалъ мишени, генералъ потребовалъ ротныхъ командировъ.

— 1-я и 5-я—на 1.400, 7-я и 11-я—на 400, по головкамъ, 3-я и 15-я—5-я боевая—и т. д., назначилъ генералъ. Роты разошлись по своимъ мѣстамъ и смотръ начался.

Давно уже Н-цы не видѣли такого порядка на смотровой стрѣльбѣ, такого благоговѣйнаго отношенія къ тому таинству, которое совершалось на линіи огня. Стройно и быстро, съ соблюде-

ніемъ полнѣйшей тишины, подходили смѣны; въ тыловыхъ отдыхающихъ шеренгахъ не было слышно ни звука. Только отчетливо раздавались въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ рѣзкіе выстрѣлы, и, казалось, каждая пуля, управляемая невидимымъ внушеніемъ стрѣлка, щелкала въ цѣль. Генераль, слегка улыбаясь, изрѣдка поглядывалъ на стрѣльбищное поле и, прохаживаясь сзади линіи огня съ командиромъ, невольно поддаваясь вліянію общей тишины, разговаривалъ шепотомъ. Группы офицеровъ, не отрывая отъ глазъ биноклей, молча слѣдили за тѣмъ священнодѣйствіемъ, которое происходило вокругъ.

Около 2-хъ часовъ дня былъ поданъ отбой.

Окончены были стрѣльбы одиночныя, боевыя, офицерскія, отстрѣлялись подпрапорщики и музыканты: все было кончено. Последняя пуля какъ будто открыла какой-то клапанъ, сдерживавшій общее напряженіе: все вдругъ заговорило и заволновалось. Пока генераль со свитой и командиромъ поѣхали къ мишенямъ считать пули, шли догадки о результатахъ стрѣльбы.

— Мнѣ бы только «отличную», говорилъ командиръ 3-й роты; а то, не дай Богъ, отличной не дашь—пропала твоя аттестація: съѣсть тебя В., а ужъ дерзостей наслужаешься потомъ за цѣлый годъ—бѣда!

— Вася, у тебя, братъ, прекрасно! Мой фельдфебель говоритъ, что въ 3-й великолѣпно ложились, кричалъ, подходя издали, командиръ 4-й роты, высокій, худой капитанъ, субъектъ очень нервный и сверхъестественный лѣнтяй, но, какъ говорилъ его баталіонеръ, «великій тѣмъ, что не мѣшаетъ своему фельдфебелю командовать ротой»; фельдфебель былъ опытный старый служака, человекъ, умѣвшій показать товаръ лицомъ; рота его уважала и боялась и дѣло шло превосходно.

Въ ротахъ солдаты волновались по своему.

— Ну, а Шпиглера повѣсить, говорилъ молодой взводный 3-й роты.—И на смотру дернулъ такъ, чтобъ рикшету непременно дать. У-ухъ ты, жидина! грозно посмотрѣлъ онъ на тщедушнаго еврейчика.—Вотъ только не выбьемъ «отличной»—я тебѣ покажу, угрозилъ онъ ему кулакомъ.

Нѣсколько въ сторонѣ собралась полковая «аристократія». Тутъ 5 сверхсрочныхъ подпрапорщиковъ и староста музыкантской команды.

— Вѣрите, мы съ ротнымъ, кажись, не вгадали вѣтра, горячился фельдфебель 14-й роты.—Я имъ говорилъ, что дериванія есть, а они спорять, что она на 800 не имѣетъ вліянія.

Наконецъ, отъ «дальней колонны» и «поддержекъ» показались экипажи, ближе, ближе.... Выстроенныя ротныя колонны замерли, и все обратилось въ одно недышащее тѣло.

— Спасибо, молодцы N-цы-ы-ы! раздался голосъ начальника дивизіи, и всѣ поняли, что смотръ прошелъ удачно.

— Ра-а-ды... .. шество!!.. вырвалось изъ тысячи грудей; вторично открылся плотно закрытый клапанъ. Бодрой военной походкой и, слегка выпячивая грудь впередъ, съ бумажкой въ рукахъ, генераль пошелъ по фронту полка. Нѣсколько сзади и съ наружной стороны, лѣнливо, съ рисовкой волоча ноги, шелъ командиръ. На лицѣ его было тоже дѣланное равнодушіе; оно выражало мысль: «а какъ же можетъ быть иначе?» Но, видимо, онъ былъ доволенъ.

Передъ каждой ротой инспектирующій останавливался, объявлялъ результатъ и хвалилъ. 14-я рота, въ которой, по мнѣнію фельдфебеля, не было учтено «вліяніе дериваціи», дала «отлично+26». Въ общемъ—полкъ далъ «отлично+14» и не было роты или команды, давшей ниже «отличнаго».

— Да, съ такими молодцами намъ не страшно, остановился начальникъ дивизіи передъ учебной командой. — Г.г. офицеры! Отъ души благодарю васъ за вашу работу и блестящій смотръ, громко произнесъ генераль.—Спасибо, полковникъ, порадовали старика! Онъ крѣпко потрясъ руку командира.

— Спасибо вамъ еще разъ, молодцы!! крикнулъ начальникъ дивизіи и сѣлъ въ экипажъ.

— Спасибо молодцы! подошелъ командиръ къ учебной командѣ, когда экипажъ уже отъѣхалъ.—Хотя скажу, что отъ команды учебной я ожидалъ большаго: «отлично+23»—это такъ, терпимо только, т.-е. то, что можетъ дать всякая рота. Спасибо 14-я за отличную стрѣльбу!

— Рады стараться, ваше ...іе!

— Ну, что? Не плохо значить вамъ совѣтоваль? обратился В. къ командиру роты.

— Спасибо 11-я! Спасибо 9-я! Спасибо 3-я! Да, немного дала 3-я. «Отлично + 5»—это только-только «въѣхать», значить, въ оцѣнку.

Командиръ обходилъ роты и хвалилъ, останавливаясь на тѣхъ, которыя, по его мнѣнію, «дали» всетаки мало. Затѣмъ, собравъ, офицеровъ, В. сказалъ:

— Господа, конечно, результаты смотра сами за себя говорятъ и нашъ полкъ оказался первымъ № въ корпусѣ, но до идеала намъ еще далеко. Слышали, что Мѣй полкъ далъ въ этомъ году «от-

лично, плюсъ отлично, плюсъ 2»: это—стрѣльба. А наша стрѣльба—это только намекъ на приличную стрѣльбу. Однако, все же я благодаренъ вамъ за вашъ трудъ, который вы понесли по обученію нижнихъ чиновъ и который, надѣюсь, мы съ большей пользой положимъ на стрѣлковое дѣло въ будущемъ году. Честь имѣю кланяться, господа! раскланялся командиръ и сѣлъ въ экипажъ. За нимъ потянулись другіе экипажи, верховые, ординарцы и, наконецъ, ротный колонны; весело сливаясь въ общій радостный гулъ—по полю понеслась лихая солдатская пѣсня.

— Да, говорилъ командиръ 6-й роты своему субалтерну, шедшему на флангъ, у командира правило: требуй невозможнаго, дадутъ возможное. А потомъ смущаетъ меня этотъ М-й полкъ. Писали вѣдь мы туда, да и по ордерамъ видно: хорошо стрѣляютъ, но «отлично плюсъ отлично» мы что-то не слышали... Да и что онъ намъ тычетъ все этотъ М-й полкъ? Надоѣло ужъ, да и обидно!

Вечеромъ въ лагерномъ собраніи состоялся общій ужинъ. Командиръ былъ въ настроеніи «выше отличнаго». Я уже говорилъ, что онъ былъ немного психологъ и рассчиталъ, вѣроятно, что послѣ блестящаго смотра не слѣдовало расхолаживать общаго настроенія; онъ обходилъ офицеровъ и даже шутилъ.

— А этотъ-то идолъ, говорилъ онъ двумъ «пистолетамъ»-подпоручикамъ, указывая издали на командира 14-й роты; угораздило же его «отлично плюсъ 26»! ▲-а-а, батюшка, ну, вашими молитвами, кое-какъ... привѣтствовалъ онъ входившаго отца Константина.

Батюшка поздравилъ командира съ «вяншими трудами рукъ его». Наконецъ, музыка заиграла встрѣчу и на порогъ показался начальникъ дивизіи съ командиромъ бригады.

— Господа, еще разъ привѣтъ! раскланялся генераль.—Кого не видѣлъ—здравствуйте! Здравствуйте, батюшка!

Командиръ пригласилъ къ столу и шумно, весело всѣ заняли мѣста: чины по старше—ближе къ генералу, молодежь на другомъ концѣ и на «музыкантскомъ».

Послѣ заливного судака съ лимономъ «звѣздочками», генераль всталъ съ бокаломъ въ рукахъ; звонъ вилокъ и посуды сталъ затихать.

— Прошу, господа, сидѣть. Господа! Съ особымъ удовольствіемъ присутствую я сегодня на нашемъ полковомъ праздникѣ. Отмѣчая рѣдкій успѣхъ стрѣльбы въ вашемъ полку, ставшемъ на 1-е въ корпусѣ мѣсто, я отношу это всецѣло къ вашей энѣргіи (генераль взглянулъ на командира, который опустилъ глаза, говори

этимъ, что онъ понялъ) и вашего командира. Вы, такъ сказать, взяли стрѣлковое дѣло въ свои руки и показали своимъ товарищамъ— другимъ полкамъ— чего можно достигнуть при дружной совмѣстной работѣ въ столь важной отрасли нашего родного военного дѣла. Я искренно благодарю васъ, господа, еще разъ и высоко поднимаю бокалъ за славный N-й полкъ. За ваше здоровье, господа, ура!

— Ура-а-а-а!!! поднялась сотня стакановъ и всѣ потянулись шеренгой чокаться съ начальникомъ дивизіи.

Тосты слѣдовали одинъ за другимъ. Пили за начальника дивизіи, за командира бригады, за командира полка; одинъ штабъ-офицеръ, пользовавшійся сомнительной репутаціей, предложилъ еще разъ тостъ «за нашего дорогого учителя, горячо любимого Петра Александровича В.»; пили за здоровье нижнихъ чиновъ, за сосѣдей по бригадѣ, дивизіи, корпусу. Въ концѣ ужина послали, какъ водится, телеграму бывшему командиру; предложили даже послать телеграму M-му полку и это предложеніе было тоже принято. Конецъ стола и «музыкантская» его часть пришли уже въ то состояніе, при которомъ всякое предложеніе могло быть поддержано единогласно.

Долго еще N-цы сидѣли за скромной трапезой, вспоминая отдѣльные эпизоды сегодняшняго дня; далеко за полночь тянулась дружная, непринужденная бесѣда. Начальство давно уже уѣхало. Уже свѣжесть ранняго утра врывалась въ открытыя окна, когда два послѣдніе «стрѣлка» покидали собраніе.

— Такъ какъ? Тррребуи невозможно—дадутъ в-возможное? говорилъ, заплетаясь, командиръ 9-й роты своему коллегѣ.

Въ 4 часа все уже спало глубокимъ сномъ; наступила та тишина, которая нарушается лишь чирканьемъ воробьевъ да рѣдкимъ, въ тактъ шага, лязгомъ чайниковъ «очередныхъ уборочныхъ», идущихъ за кипяткомъ.

IV.

Прошелъ еще годъ. Много, какъ говорится, утекло за это время воды, много смыто было ею за этотъ промежутокъ и съ лица N-го полка.

Полкъ сталъ неузнаваемъ. Въ ротахъ у насъ стоялъ дымъ коромысломъ. На свѣжаго человѣка полкъ производилъ какое-то комически-тяжелое впечатлѣніе: это былъ какой-то сумасшедшій домъ. Все суетилось и куда-то бѣжало. Другого аллюра въ полку не было даже для одиночныхъ людей, посылаемыхъ въ нарядъ; исключеніе

дѣлалось только для карауловъ и командъ, сопровождающихъ тѣло покойника. Исходило это изъ преподанныхъ командиромъ принциповъ: «быстрота движенія—быстрота соображенія» и «побѣда—въ ногахъ». Цѣлыми днями, съ ранняго утра до самой повѣрки, взводы, роты и команды бѣгали по улицамъ нашего города и на полковомъ плацу, доводя бѣгъ въ полномъ снаряженіи до указанныхъ командиромъ 30-ти минутъ. Все это бѣжало, задыхалось, все нервничало и куда-то дергалось. Въ казармахъ, какъ въ кинематографѣ, все вертѣлось, двигалось, висѣло, бѣгало и суетилось, кружилось на турникахъ и опрокидывалось на параллельныхъ брусьяхъ, лазало и прыгало, наводило, цѣлилось и стрѣляло, стрѣляло безъ конца. Отказавшись отъ «прохожденія» и «отстрѣливанія», мы давно уже переступили роковую грань разумнаго возможнаго и вступили въ область какой-то стрѣлковой вакханалии. Въ концѣ концовъ, въ 7 верстахъ за городомъ командиръ нашель среди глухихъ овраговъ и холмовъ подходящей, по его мнѣнію, участокъ и тамъ въ дождь и 10-градусный морозъ, въ теплую и ненастную погоду—мы проходили курсъ одиночной стрѣлбы. Мишени самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ въ разныхъ сочетаніяхъ со всевозможными отступленіями отъ Наставленія стояли цѣлыми днями на полковомъ плацу. На окнахъ казармъ, кромѣ треугольниковъ, дробинокъ, уменьшенныхъ фигуръ, расклеены были перспективныя картинки, по которымъ съ утра до вечера мы цѣлились и цѣлились. Въ столовыхъ и на дворахъ гремя безпрестанно стрѣлба уменьшеннымъ зарядомъ. Занятія грамотностью, свѣдѣнія обязательныя для каждаго рядового, строй, классныя занятія учебной команды,—все было забыто, все заброшено, все было вычеркнуто властной рукой командира изъ годовой программы. Стрѣлба, бѣгъ и гимнастика—три командирскихъ конька, на которыхъ полкъ мчался съ какой-то нервной головокружительной быстротой. Вся жизнь полка влилась въ форму этихъ трехъ пунктовъ командирскаго увлеченія; въ ротахъ давно отказались отъ всякаго плана занятій, людей съ утра до вечера натаскивали на «вдыханія» и «обжатія», турникахъ и лѣстницахъ; «разшироленные» стрѣлки бѣгали отъ одного упражненія къ другому, инсценируя прогрессивное обученіе по группамъ, какъ того требовала мода. Уже давно нѣкоторыя роты выбивали баснословные проценты, а все ходили и ходили въ тиръ и безконечно стрѣляли и стрѣляли. Всѣ интересы личные и иные—все было поглощено стрѣлбой. И надъ всѣмъ этимъ стоялъ неумолкаемый, раздражительный голосъ командира, кричавшаго на весь дворъ: «Свиньи, дряни! Я вамъ покажу, какъ надо стрѣлять!»

«Отлично + 14» — это вы забудьте! И знать не хочу меньше «отлично + отлично»! Лодыри!

Каждый день въ 7 часовъ вечера мы собирались въ собраніи на тактическія и стрѣлковыя занятія. Первыя протекали иногда съ большимъ интересомъ и руководить ими командиръ нашъ умѣлъ. Вторыя—сводились къ угадыванію тѣхъ рѣшеній, которыя заранѣе созрѣли въ головѣ командира. Въ сущности—мы ихъ терпѣть не могли и пользы въ нихъ не видѣли, такъ какъ совершенно не понимали возможности вычислить, напримѣръ, подъ огнемъ невидимаго противника крутизну средней траекторіи, стрѣляя съ закрытой позиціи. И тѣмъ и другимъ занятіямъ предшествовала обыкновенно продолжительная и всегда ругательная бесѣда командира. Вообще онъ сильно измѣнился въ этомъ году. Было ли тому причиною неудавшееся, но ожидавшееся производство его въ генералы или что другое, но онъ сталъ необыкновенно рѣзокъ и грубъ, и часто нашему офицерскому составу преподносилъ такіе реприанды, которые переходили всякія границы. Я уже сказалъ, что, кромѣ субботы, мы собирались каждый день.

Съ 8 до 11^{1/2} и отъ 3 до 6 на занятіяхъ въ ротѣ, отъ 7 до 10-11 въ собраніи—такъ протекали наши будни и ничего иного мы не ожидали впереди.

Къ началу весны выяснилось, что командиръ окончательно недовсленъ прошлогодней стрѣльбой и высмѣивалъ насъ на всѣ лады. Настроеніе наше очевидно передавалось и нижнимъ чинамъ. У всѣхъ на устахъ былъ одинъ вопросъ: чего онъ хочетъ?

А командиръ твердилъ одно: «отлично + отлично».

Солдаты, что называется, лѣзли изъ кожи, число больныхъ превышало всякія нормы. Внутренняя жизнь въ полку и безъ того образцовая стала невыносимой: подсудность увеличилась, карцера были не только всегда полны, но въ дежурной комнатѣ вывѣшена была очередь на нѣсколько недѣль впередъ; «30 смѣшаннымъ» — это была норма, которую командиръ не измѣнялъ. Разжалованіе унтеръ-офицеровъ можно было найти почти въ каждомъ приказѣ; многіе сверхсрочные, почтенные старики, украшенные знаками отличія Военнаго ордена, семейные, вылетали со службы, потому что всѣ, по мнѣнію командира, были воры, пьяницы и мало радѣли о стрѣлковой репутациі полка. Никакія прежнія заслуги, никакія доблести не могли остановить прорвавашагося потока карательныхъ мѣръ, которыя сыпались на чиновъ полка изъ подъ пера командира: единственно чему онъ иногда уступалъ—это отличному стрѣлку.

Офицерскій составъ изнывалъ подъ такимъ гнетомъ. Старики,

за плечами которыхъ была уже многолѣтняя служба, молчали изъ боязни аттестаціи; молодежь—стала хлопотать о переводахъ, но переводы были воспрещены командиромъ подъ страхомъ удаленія со службы. Взысканія на офицеровъ вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессировали съ каждымъ днемъ. Судь чести работаль неустанно даже по такимъ пустякамъ, которымъ никто не придавалъ значенія и которые легко могли быть исчерпаны въ офицерской средѣ. Появились анонимы. Командиръ, высказавъ въ прошломъ году свой презрительно-отрицательный взглядъ на анонимы, читаль ихъ теперь захлебываясь, производя по нимъ негласныя разслѣдованія. Темныя силы торжествовали побѣду. А вечеромъ, усталые послѣ «поля» и «тира», съ измотанными нервами и съ оступѣлымъ выраженіемъ покорныхъ лицъ, мы снова собирались, снова выслушивали незаслуженныя оскорбленія и снова намъ ставилось заповѣдью «отлично плюсъ отлично», и мы расходились ночевать по домамъ, чтобы завтра начать свой тяжелый день. Что-либо прочитать, чѣмъ-либо заняться своимъ—мы не имѣли времени. Семья, книги, развлечения, собственная личность—все было отодвинуто въ сторону, чтобы дать мѣсто стрѣльбѣ. Всѣ ходили, какъ обалдѣлые. Въ полку появился даже анекдотъ, что когда за обѣдомъ жена одного ротнаго командира спросила, сколько тебѣ положить варениковъ, то онъ отвѣтилъ: «1400». Надо отдать справедливость, что и самъ командиръ работаль за десятерыхъ. Зимой въ 7, лѣтомъ въ 4 часа онъ уже былъ на ногахъ; ничто не ускользало отъ его хозяйскаго глаза, ничто не миновало его вниманія, все направлялось его твердой рукой, во всякое дѣло онъ вкладываль свою душу и успокаивался только поздною ночью. Всюду самъ, онъ являль примѣръ неутомимой энергіи и широкой инициативы и это обстоятельство до нѣкоторой степени извиняло ему многое въ нашихъ глазахъ. Но была одна черта у В., которой простить мы ему никакъ не могли: это—постоянное и безусловное недовольство всѣмъ и вся. Что бы кто ни сдѣлаль, какъ бы кто ни поступилъ—все было не такъ. Очевидно, мы почти никогда не слыхали и не читали поощреній и благодарностей, но зато взысканія и порицанія испещряли страницы приказовъ; «литература»—стала явленіемъ обычнымъ: «сегодня ты, а завтра я»...

Наконецъ наступилъ и лагерь. Лагерь тяжелое, но хорошее время. Тутъ на воздухѣ, среди зелени, въ дружной товарищеской семьѣ чувствуешь притокъ свѣжихъ силъ. Но мы этого «притока» не ощущали. Правда, близость начальника дивизіи и корпуснаго командира сдерживала нѣсколько порывы В., но мы

слишкомъ устали за годъ, чтобы отдохнуть за короткій срокъ. Да и что это былъ за отдыхъ? Прежній добрый веселый лагерь N-го полка являлъ теперь грустную картину. Здѣсь, какъ и въ городѣ, мы хоть и меньше, но тоже бѣгали и куда то стремились; отпечатокъ испуганности и крайняго изнуренія написанъ былъ на нашихъ лицахъ. Зато стрѣльба и прикладка нашли здѣсь еще болѣе широкое примѣненіе.

— Господа, кричалъ командиръ, проснитесь! Эти уродливые результаты, которые мы дали въ прошломъ году, повидимому успокоили васъ! Надо имѣть мало самолюбія или совсѣмъ его не имѣть, какъ вы, чтобы довольствоваться тѣми мизерными «отлично + 14», о которыхъ я не хочу слышать! «Отлично + отлично», господа, и тогда я скажу: да, полкъ сталъ на правильный путь. Помните, господа: «отлично + отлично» и ни на іоту меньше. Вы сами себѣ пишете аттестаціи! Ротный командиръ, рота котораго даетъ меньше, не можетъ командовать ротой. Уходите! Дайте мѣсто тѣмъ, кто можетъ!...

Въ такомъ родѣ рѣчи мы выслушивали почти ежедневно. Наконецъ наступилъ и смотръ.

Я не буду его описывать; онъ во многомъ походилъ на прошлогодній, но вмѣсто бодрого радостнаго настроенія всѣ мы испытывали страхъ и усталость. Смотрѣлъ генераль по Высочайшему повелѣнію. На стрѣльбищѣ собралось все начальство до корпуснаго командира включительно. День стоялъ ясный и тихій, какъ и въ прошломъ году.

V.

Когда инспектирующій возвратился послѣ смотра отъ мишеней, мы уже по тону голоса, которымъ онъ началъ говорить, поняли, что дѣло обстоитъ не блестяще.

— Задержали полкъ, сказалъ командиръ корпуса вполголоса, обращаясь къ В.

Полкъ далъ «хорошо + 8».

Мы долго молча смотрѣли другъ на друга и вслѣдъ командирскому экипажу, удалявшемуся по гладкой дорогѣ....

Б. Б.